

Оглавление

«Патусан»

7

Амаранте

39

Порт-Браун

349

Амаранте

405

Примечание автора об Амаранте

413

I

Когда проводишь во власти моря столько времени, сколько я, душа забывает, что такое отдых. Для моряка умение реагировать на малейшие изменения среды, будь то внутренние — в конструкции и мореходности судна — или внешние — в состоянии океана и неба, — решает все. От скорости твоей реакции зависят жизни. И долг капитана — внимательно прислушиваться к каждому скрипу переборки, стуку корпуса, изменению в ритме работы двигателей, к завыванию ветра.

Даже когда я свободен от вахты и сплю на своей узкой койке, моя душа начеку. Поэтому в ту декабрьскую ночь я сел в постели еще прежде, чем мой первый помощник прекратил стучать в дверь каюты, и к тому времени, как он вошел и отдал честь, я уже спустил босые ступни на холодный линолеум.

— Простите за беспокойство, капитан.

Он пошире расставил ноги, чтобы противостоять качке. Снаружи дул крепкий ветер, предвестник раннего наступления сезона муссонов, — глобальное потепление нарушило природный календарь.

— В чем дело, Юсуф?

— Сэр, замечены сигнальные ракеты.

— Ракеты? — Мы находились посреди Индийского океана, в тысяче морских миль от любой суши — Африки, Шри-Ланки, Суматры — и еще дальше от нашего порта приписки. Поблизости не было никаких морских путей, и ни один рыбак не рискнул бы отойти так далеко от берега. — Ты уверен?

— Да, сэр.

Я полез в рундук за свежей рубашкой. Натянул форменные брюки.

— Сколько?

— Две. Обе — красные парашюты. Первую Умар увидел, когда она уже падала. Мы подождали две минуты, потом взлетела вторая.

Промежуток в две минуты между первой и второй. Красные парашюты. Все по правилам. Я надел ботинки.

— АИС* показывает какие-то суда?

— Нет, сэр. Но радар засек что-то в семи морских милях к востоку-юго-востоку. Мы думали, это просто дождевая тень.

Я вернулся с Юсуфом на мостик. После полумрака в коридоре верхний свет резал глаза, из чьего-то телефона грохотал рэп. Воздух был пропитан специями и маслом, и запах вел к обертке от запрещенной самосы** возле мусорного ведра.

* АИС (Автоматическая идентификационная система) — система в судоходстве, служащая для идентификации судов, их габаритов, курса и других данных с помощью радиоволн диапазона УКВ. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

** Самосы — жареные или печеные пирожки.

Мичман Умар склонился над радаром, изучая экран, на котором светились зеленые кольца дальности, въевшиеся в черноту. Тучи и нарастающие волны создавали посторонние эхо-сигналы, появляющиеся, исчезающие и меняющие форму с каждым оборотом антенны. Стеклоочистители были установлены на максимальную скорость, и ветровое стекло за их дугами помутнело от соли. Дальше чернела тьма.

Я снова повернулся к экрану радара.

— Где объект?

— Вот, — ответил Умар, опустив «сэр».

Я подозревал, что рэп — его проделка; многие из моих людей были просто мальчишками из кампонга*, деревенскими пареньками. Умар постучал по экрану на пять часов. Я вгляделся в изображение, пытаюсь различить среди пляшущих пикселей какие-то постоянные очертания, которые подтвердили бы присутствие лодки.

Рэпер все надрывался.

*Никто не учится, ключ поворачивается, кайф при-
тупляется, первый раз не получается.*

Музыка на вахте была под запретом. На борту я всегда отключал личный телефон и прятал в рундук. Кроме того, даже когда мы находились в зоне сигнала, не было никого, кто мог бы мне позвонить.

Я моргнул.

— Мичман Мухаммед Умар бин Райян. Выключите это!

— Есть, капитан. — Умар бросился к электронной панели, где заряжался его телефон.

* Кампонг — малайское селение.

Он не расставался с ним ни на миг, постоянно протирал стекло, проверял, надежно ли он защищен чехлом.

После того как он выключил музыку, наступило мгновение блаженной тишины. А затем я услышал это. Вызов по радиосвязи.

— ...дэй, мэйдэй... оче...

— Умар! УКВ.

Он уже тянулся одной рукой к микрофону, а другой выкручивал громкость трансивера. Мостик заполнили помехи, хлынувшие в уши, как рев воды, который, вероятно, слышат утопающие.

В эфир снова пробился радиосигнал.

— Мэй... дэй, мэй... эй. (Все замерли.) ...та «Санта-Мария», парусная я... ария, парусная яхта «Сант... Ма... ия».

— Это женщина, — сказал Умар.

Я раздраженно посмотрел на него, напрягая слух. Она действительно сказала «Мария»?

— ...буется срочная медицинская пом... — сказала женщина по-английски.

Я забрал у Умара микрофон и также по-английски заговорил:

— «Санта-Мария», это патрульный корабль «Патусан» Королевских морских сил Малайзии, прием.

Раздался треск помех, и я усомнился, прошла ли моя передача. Я подождал, держа палец над кнопкой вызова. Умар и Юсуф не сводили глаз с меня, я — с экрана радара.

— О боже. — Она шумно выдохнула в свой микрофон. Акцент у нее был британский. — Я думала, вы мираж. — Она издала какой-то звук, не то засмеялась, не то всхлипнула. — Я радировала не-

сколько дней. Потом увидела вас на экране. Это «Санта-Мария». То есть мэйдэй*, то есть прием.

— Мэм, — заговорил я, стараясь произносить слова как можно четче, — насколько я понимаю, вам требуется помощь. Мне нужно знать местонахождение вашего судна и характер бедствия.

Когда она диктовала свои широту и долготу, связь улучшилась. Умар записал координаты и кивнул, подтверждая, что они соответствуют точке на радаре. Юсуф изменил наш курс.

— Пожалуйста, приплывите, — сказала она, и ее голос сорвался. — Мой муж. Он тяжело ранен. Очень тяжело.

— Ваше судно, мэм. Оно вышло из строя?

— Нет, но он ранен. Ему нужен врач. Пожалуйста, поторопитесь.

— Мы уже в пути, мэм, — сказал я. — Наше РВП...**

— Двадцать восемь минут, — сказал Юсуф по-малайски.

— Двадцать восемь минут, — передал я по-английски.

— О боже.

Дрожь в ее голосе заставила меня потянуться через плечо Юсуфа и толкнуть дроссели вперед. В иллюминаторы ударила вода. Разогнать корабль быстрее при таком волнении моря я не мог.

* Мэйдэй (*Mayday*, англ.) — международный сигнал бедствия при голосовой связи, аналогичный сигналу SOS в радиотелеграфной связи, используется в ситуациях непосредственной угрозы для жизни людей. Сигнал передается три раза подряд.

** Расчетное время прибытия.

— Мэм, — сказал я, нажав на вызов. — Что произошло? С вашей лодкой? С вашим мужем? — Только тихое шипение белого шума. Я снова нажал кнопку. — Мэм? Вы можете рассказать, что произошло? С «Санта-Марией»? — Я отпустил палец, прислушался. Опять ничего. Что это, нежелание отвечать? Или всего лишь неустойчивая радиосвязь? Возможно, она отошла от передатчика, чтобы позаботиться о муже.

Нажимаю на кнопку.

— Мэм. — Мой голос наполнился профессионализмом, в последние годы умение отстраняться от личных эмоций оказалось для меня благословением. — Мы плывем к вам.

Отпускаю.

Впрочем, возможно, более подходящим словом было бы «преимущество», поскольку в благословения я больше не верил.

Нажимаю.

— Мои офицеры обучены оказанию первой помощи.

Отпускаю.

Я хотел — должен был — удержать ее на связи.

Нажимаю.

— Мэм, как вас зовут?

Потрескивание.

— Виржини.

— Виржини. Я капитан Даниал Тенгу.

— Помогите нам. — Теперь она определенно плакала.

Часто, когда я думаю о своей жене, мне хочется, чтобы кто-нибудь был с ней в то ужасное время. Она наверняка была так напугана. По крайней ме-

ре, я могу сделать что-то для этой женщины, постараюсь помочь ей.

— Виржини. Послушайте меня. Мы постараемся подойти к вашему судну по возможности быстро. Осталось, — я сверился с часами на приборной панели, — двадцать шесть минут.

Молчание.

— Вы меня слышите?

— Да.

— Хорошо.

Я выждал тридцать секунд.

— Виржини, вы здесь?

— Да, — сразу ответила она.

— Теперь наше РВП чуть больше двадцати пяти минут.

Пока мы на всех парах приближались к «Санта-Марии», я вызывал Виржини каждые тридцать секунд, всякий раз обращаясь к ней по имени, чтобы успокоить ее, показать, что она больше не одна, создать между нами связь, доверие. Десять, двадцать, пятьдесят, пятьдесят два раза. Пятьдесят два — количество недель в году, карт в колоде и жителей Пинанга, погибших в тот роковой день.

— Виржини, вы здесь?

— Да.

Наконец гул двигателей сделался тише: Юсуф снизил скорость. «Патусан» зарыскал на волнах. Я схватил фонарик и распахнул дверь на палубу. Было скользко, и, вода лучом по бурлящему черному океану, нужно было держаться за поручень.

Ничего.

Потом — *бах!* — густая ночь взорвалась, небо стало белым, как днем, и справа по носу, на фоне

туч, застилающих звезды, обрисовался призрачный силуэт яхты, паруса и снасти мерцали во всполохах затухающей ракеты.

«Санта-Мария».

Мария — имя моей жены.

В этот момент я сделал то, чего не делал много лет. Я перекрестился.